

О.В. ВОЛОСЮК

ИСПАНСКИЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ XVIII века Г.М. ДЕ ХОВЕЛЬЯНОС И РОССИЯ: ИЗ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДВУХ СТРАН

В 2011 г. исполняется 200 лет со дня смерти Гаспара Мельчора де Ховельяноса (1744–1811), самого известного и почитаемого в Испании просветителя и общественного деятеля XVIII в. В память о знаменитом соотечественнике на его родине, в испанском городе Хихоне, провинция Астурия, открыты Дом-музей Ховельяноса, Библиотека имени Ховельяноса, созданы Фонд Ховельяноса, Королевский институт имени Ховельяноса, Центр по изучению XVIII в., Кафедра дополнительного образования имени Ховельяноса и даже Курсы по безопасности на море имени Ховельяноса. Уже более полутора веков жизнь и деятельность Ховельяноса привлекают внимание исследователей всего мира¹. Несомненный интерес, в частности, вызывает вопрос о том, каким образом имя этого крупнейшего испанского просветителя связано с Россией. В своих дневниках в 1797 г. он нередко упоминает Россию. Связь эта выглядит, на первый взгляд, довольно неожиданно, поскольку относится к категории не столько культурных, как логично было бы предположить, сколько политических контактов между двумя странами. Дело в том, что в некоторых биографиях Ховельяноса упоминается тот факт, что в 1797 г. он был назначен посланником в Россию, но вскоре указ был отменен, а просветитель получил пост министра юстиции. Более подробно испанские исследователи об этом не пишут, сам же Ховельянос уделяет этому назначению и месту своей возможной службы значительное место. Рассмотрение этого вопроса крайне важно и для раскрытия характера испано-российских отношений в самом конце XVIII в.

Перед исследователем в данном случае встает ряд вопросов, которые вызывают различные научные интерпретации. Какие причины повлияли на столь неожиданное назначение? Было ли это назначение ссылкой, как считал сам просветитель, или почетной должностью, свидетельствовавшей о признании его заслуг и дарований? Почему в таком случае через три недели последовала столь же неожиданная отмена отданного распоряжения, вызов Ховельяноса в Мадрид и назначение на пост министра юстиции? Какие мотивы побудили М. Годоя, главу испанского правительства, сделать это и вызволить в конце концов именитого “пленника” из его астурийской ссылки?

Волосюк Ольга Виленовна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов.

¹ На сайте, специально посвященном просветителю: <http://www.jovellanos.net/> среди прочих материалов представлена полная библиография его работ, а также исследования о нем самом: *Bibliografía Jovellanista. Fundación Foro Jovellanos del Principado de Asturias.* – <http://www.jovellanos.org/es/index.asp?MP=33&MS=0&MN=1> Из работ российских исследователей см.: *Волосюк О.В.* К вопросу об изучении социально-политических взглядов испанского просветителя Гаспара де Ховельяноса. – *Проблемы испанской истории.* М., 1984; *ее же.* Г.М. де Ховельянос в Мадридском экономическом обществе друзей отечества. – *Вестник РУДН. Всеобщая история,* 2010, № 3; *Суховерхов В.В.* Политическая философия Г.М. де Ховельяноса и конституционализм. М., 1996; *его же.* Гаспар Мельчор де Ховельянос. – *Вопросы истории,* 2010, № 4.

Испанский профессор Х. Касо Гонсалес, крупнейший исследователь деятельности и творчества Ховельяноса, бывший директор Центра по изучению XVIII в., полагает, что назначение Ховельяноса посланником в Россию оценивать как простое удаление от двора было бы неправильно, учитывая, что тогда вопрос стоял не просто об обмене посланниками, но впервые – об обмене дипломатическими представителями на уровне послов. По его мнению, выбор пал на Ховельяноса не случайно: исследователь приводит донесение австрийского посла в Мадриде графа И.-К. Кауниц-Ритберга от 22 сентября 1783 г., который сообщал, что Ховельяноса и тогда планировали направить послом в Россию. В этом донесении говорилось: “Обсуждают возможные перемены в министерстве иностранных дел и среди претендентов называют графа Фернан-Нуньеса, маркиза де Санта Крус и Ховельяноса, молодого хорошо образованного интеллектуала, друга герцога де Лосады, который до сего времени являлся членом трибунала Высшего кастильского совета. Первое планируют направить в Англию, второго – в Вену, третьего – в Петербург. Правда, похоже, это еще не решено окончательно, и первый среди этих претендентов полностью опровергает слухи о своем возможном назначении”².

Ф. Уртадо Родригес, основываясь на данных, приведенных первым биографом Ховельяноса, его другом и учеником С. Бермудесом, полагает, что все было именно так – королева Испании Мария-Луиза задумала удалить Ховельяноса от двора³. Надо отметить, что все без исключения исследователи его биографии пишут о неприязни, существовавшей между Марией-Луизой и просветителем⁴.

Материалы российских архивов позволяют прояснить некоторые моменты этой дипломатической интриги. Изучив донесения в Петербург российского посланника в Мадриде С.С. Зиновьева, мы не обнаружили информации о том, что в 1783 г. планировалось назначение Ховельяноса в Петербург. Однако тремя годами ранее, в 1780 г., Зиновьев писал графу Н.И. Панину о том, что на место графа де Ласи, который занимал пост испанского посланника в Петербурге с 1772 по 1778 гг., будет назначен новый. “Граф Флоридабланка (тогдашний глава испанского правительства. – *О.В.*), – говорилось в послании, – ...пока не может представить кандидата в министры ко двору Ее И. В-ва. По сих пор известны искатели сего министерства: генерал-майор Боргезе, брат кардинала сего имени; дон Антонио Гуемель де Арказита, майор-дома недельный, шурин виконта Геррерия⁵; дон Гаспар де Ховельянос, советник орденов; шевалье Магалион, советник американского департамента, назначенный министром в Парме, и дон Симон де лас Касас, казначей министерства во Флоренции, и сей последний крепкую подпору от министерства имеет”⁶. В следующем донесении Зиновьева о назначении посланника в Россию имя Ховельяноса уже не упоминается. Зато появляется другое имя – генерал-лейтенанта маркиза де Асары, представителя Испании в Риме⁷. К октябрю 1780 г. вопрос о посланнике все еще не был решен. Зиновьев сообщал, что правительство склоняется в пользу то одного, то другого претендента⁸. В конце

² *Caso González J. Los procesos de Jovellanos y Urquijo. – Historia de la Inquisición en España y América. Madrid. 1984, p. 1321–1324.*

³ *Hurtado Rodríguez F. Jovellanos, ministro de Carlos IV. – Boletín del Instituto de Estudios Asturianos, v. 35, 1982, p. 328.*

⁴ См.: *Centurión J.G. Causas del destierro de Jovellanos. – Boletín de la Real Academia de Historia, v. 64, 1914, p. 228; Caso González J. Notas sobre la prisión de Jovellanos en 1801. – Archivum, Oviedo, v. 12, 1962, p. 224; idem. Jovellanos y la Inquisición (Un intento inquisitorial de prohibir el “Informe sobre la Ley Agraria” en 1797). – Archivum, v. 7, 1957, p. 244, 248.*

⁵ Речь идет о виконте А. де ла Эррерия, который был посланником Испании в Петербурге с 1763 по 1771 г.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), ф. “Сношения России с Испанией”, оп. 58, д. 388, л. 140–141. С.С. Зиновьев – Н.И. Панину, 4(15) мая 1780 г.

⁷ Там же, л. 183. С.С. Зиновьев – Н.И. Панину, 2 (13) июля 1780 г.

⁸ Там же, 273–274, 282. С.С. Зиновьев – Н.И. Панину, 5(16) октября 1780 г.; 19(30) октября 1780 г.

концов, в начале ноября российский дипломат сообщил в Петербург: “Сегодня граф де Флоридабланка мне официально заявил о назначении ко двору Ее И. В-ва маркиза де ла Торре”⁹.

* * *

История отношений России и Испании переживала разные времена: были между ними и этапы сближения, и периоды приостановления и даже отсутствия связей. Одним из периодов охлаждения стали последние годы правления Екатерины II. Основной причиной этого явилось подписание мира между Испанией и Францией в июле 1795 г. и союзного договора с Францией в Сан Ильдефонсо в августе 1796 г., что означало выход Испании из антифранцузской коалиции, одним из инициаторов которой была Екатерина II¹⁰. С восшествием на престол Павла I появилась надежда на возможное потепление отношений между двумя дворами¹¹. Н.Н. Бицов, российский поверенный в делах в Мадриде, информировал канцлера А.А. Безбородко в донесении от 25 июня (5 июля) 1796 г.: “Король, будучи преисполнен уважения к тем мудрым мерам, которые Е.И. В-во считал необходимым принять в нынешних обстоятельствах на благо Европы, выразил самое искреннее желание укреплять связи и возобновить переписку с Российским двором на принципах, которые более всего отвечали бы интересам обеих наций и нынешним обстоятельствам. Е. В-во намеревался даже назначить посла к нашему двору с тем, чтобы он был проводником его чувств, и с тем, чтобы придать больше веса своим мыслям. Это назначение могло бы произойти без оглядки на французов. Король несколько не изменил своего мнения по этому вопросу, и это назначение может произойти, если того пожелает Е.И. В-во.”¹²

В том же донесении Бицов разъясняет, каковы истинные причины, побудившие мадридский двор искать сближения с Россией. “В. Светлость легко поймет, – писал он, – что истинные мотивы подобных инициатив вызваны неблагоприятным положением, в котором находится в настоящее время испанский двор, будучи постоянной мишенью высокомерия и вероломства парижской Директории и вынужденный следовать воле последней, не обладая возможностью оказать какое-либо сопротивление. Будучи весьма обеспокоенным результатами мирных переговоров, ведущихся с Англией, в отношении которых, как полагают здесь, Директория будет искать соглашения, не особо советуясь с Испанией и потому опасаясь будущего”¹³. Таким образом, осложнение отношений с Францией вынудило Испанию искать сближения с Россией путем обмена своими представителями в ранге чрезвычайных и полномочных послов.

В Петербурге внимательно изучили депешу Бицова. В ответ на нее Безбородко повелел ему вручить первому министру Испании Годую ответ нового российского императора, в котором, помимо прочего, говорилось: “Е.И. В-во с удовлетворением воспринял те пожелания, которые выразил Е. Кат[олическое] В-во, возобновить и укрепить связи и отношения дружбы между Россией и Испанией. Император, не желая затягивать со своим ответом, приказал мне предписать Вам запросить о встрече с названным принцем (Годоем. – *О.В.*) и заявить ему, что император наказал Вам довести до сведения Е. Кат. В-ва уверения во взаимности его намерений”. Полная открытость

⁹ Там же, л. 297–298. С.С. Зиновьев – Н.И. Панину, 22 октября (2 ноября) 1780 г.

¹⁰ В 1790–1791 гг. Екатерина вела активную переписку с графом Флоридабланкой, государственным секретарем Испании по иностранным делам, об участии России и Испании в антифранцузской коалиции. Об этом подробнее см. *Volosiuk O. La correspondencia de Catalina II y Floridaablanca relacionada con la Revolución francesa, septiembre de 1791 – febrero de 1792. – HISPANIA. Revista española de historia, Madrid, № 174, 1990.*

¹¹ На это довольно настойчиво указывает испанская исследовательница А.М. Шоп Солер. – *Schop Soler A.M. Las relaciones entre España y Rusia en la época de Carlos IV. Barcelona, 1971, p. 46–55; idem. Un siglo de relaciones diplomáticas y comerciales entre España y Rusia, 1733–1833. Madrid, 1984, p. 39–42.*

¹² АВПРИ, ф. “Сношения России с Испанией”, оп. 58, д. 503, л. 6.

¹³ Там же, л. 7.

обоих государств, считал Безбородко, откроет их подданным множество возможностей развивать их предприимчивость и торговые отношения, которые будут взаимно благоприятны. “Что касается назначения испанского посла при российском дворе, – продолжал он, – император повелел Вам донести до Принца Мира, что такое назначение будет воспринято благосклонно и что он, со своей стороны, осуществит это на условиях полной взаимности. Вам надлежит сообщить мне, кто будет назначен и когда это назначение произойдет, с тем чтобы в зависимости от здешней практики и обычаев здесь можно было бы произвести те же действия. Можете заверить испанского министра от имени императора, что в случае, если будет созван конгресс для завершения споров, которые потрясают большую часть Европы, и в случае, если он будет туда приглашен, его полномочные представители получают указания учитывать интересы Е. Кат. В-ва в зависимости от складывающихся обстоятельств и потребностей времени”¹⁴.

В следующем своем донесении Бицов давал уже более подробную информацию по вопросу о назначении послов. “Желания Принца Мира пойти навстречу нашему Августейшему двору в нынешних обстоятельствах и устанавливать с ним все более тесные связи возрастает с каждым днем. Вчера он поручил мне вновь доложить В. Светлости, что он с нетерпением ожидает ответа на намерения, которые он поручил мне передать в моей депеше № 2, и добавил, что король считает, что помимо политических интересов было бы достойно положения двух дворов вместо посланников обменяться представителями на уровне послов и что в этих целях Е. Кат. В-во уже назначил представителя, который, облеченный этим рангом, намерен отправиться в нашу страну, как только станет известно пожелание на этот счет Е.И. В-ва. Господин Принц, который постоянно оказывает мне знаки уважения, доверительно назвал мне лицо, о котором идет речь. Это граф де Монтарко, почетный член Государственного совета, выполняющий обязанности его секретаря, который пользуется полным доверием Принца. Он не благородного происхождения, но имеет репутацию способного человека, обладающего высокими личными качествами... Мне остается лишь заверить Вас, что я ничего в этом не напутал и что после заключения союза с Францией я тщательно избегал говорить с ним о современных событиях или сообщать ему о каком-либо намерении, не будучи уполномоченным это сделать”¹⁵.

Через месяц Бицов вновь вернулся к вопросу об обмене послами. В донесении от 24 августа (4 сентября) 1797 г. он информировал о том, что предположительно эта должность достанется графу Монтарко. В этом же донесении он выражал сомнения по поводу этого назначения, объясняя это тем, что подобное назначение должно быть одобрено обществом, а общество, по мнению Бицова, не вполне устраивала кандидатура графа Монтарко в качестве посла к такому значительному двору, как русский. “Этот человек, – замечал он, – не происходит из благородной семьи, а обрел титул и фамилию шесть лет назад, женившись на вдове графа Монтарко. Способности его пригодны разве что для службы в магистрате, ибо у него нет никакого политического опыта и он не знает ни одного языка, кроме испанского”¹⁶. В донесении от 19 октября он возвращается к вопросу о назначении посла в Россию. Как он и предполагал, кандидатура графа Монтарко была отвергнута, а на пост посланника был рекомендован “господин Ховельянос, член Совета Орденов Испании, которого по рекомендации Принца Мира Годоя король только что утвердил”¹⁷.

Несомненный интерес представляет характеристика, которую Бицов дает Ховельяносу, поскольку она отражает отношение к нему испанского общества того времени: “Господин Ховельянос как должностное лицо и как литератор пользуется в Испании большим уважением, но он также не происходит из семьи грандов, и публика, уже осведомленная об этом назначении, вновь его критикует, заявляя, что, несмотря на ли-

¹⁴ Там же, д. 222, л. 1. А.А. Безбородко – Н.Н. Бицову, 3 августа 1797 г.

¹⁵ Там же, д. 503, л. 17–18. Н.Н. Бицов – А.А. Безбородко, 14 (25) июля 1797 г.

¹⁶ Там же, л. 45–46.

¹⁷ Там же, л. 59.

тературную славу и всем известную глубокую порядочность, он слишком педантичен и разделяет принципы, исповедуемые его другом Кабаррусом, которые близки идеям, провозглашаемым французами”¹⁸.

Сообщение Бицова отправлено из Мадрида 19 октября. Сам дон Гаспар узнал об этой новости несколькими днями ранее. В его дневнике мы находим запись о том, что по возвращении из поездки по провинции Леон 15 октября в местечке Поло де Лена его встретил посланный из города Овьедо правительственный чиновник. “Я собирался выходить из дома, – записал Ховельянос, – когда он вошел, протянул мне руку и рассыпался в поздравлениях. “Вы назначены послом в Россию!” – воскликнул он... Я принял это за шутку, но он подтвердил свои слова. “Вы меня убиваете! Я – в Россию! О, Боже!” Он, растерянный, постарался успокоить меня”¹⁹.

Судя по реакции Ховельяноса, можно предположить, что он просто не был готов к возможным переменам в своей судьбе, уже смирившись с мыслью, что останется в Хихоне и посвятит себя научной и литературной деятельности.

Здесь необходимо сказать о том, что стало причиной опалы Ховельяноса. В 1794 г. он завершил свой знаменитый “Доклад об Аграрном Законе” и год спустя опубликовал его. Этот труд получил широкий резонанс в обществе. Его автор приобрел большое количество сторонников, но вместе с тем активизировались его личные враги, а также и противники идей, изложенных в “Докладе”. В испанском обществе сформировалась оппозиционная группа консервативного толка, выступившая против идей “Доклада”. Можно предположить, что именно один из ее членов направил в Трибунал инквизиции анонимное послание с намерением инициировать против Ховельяноса секретный процесс инквизиции, побуждая ее цензоров скрупулезно изучить суждения, изложенные в этом труде. Вердикт не заставил себя ждать. В нем идеи, выдвинутые Ховельяносом, оценивались как “лживые и опасные, поскольку замалчивают истину и благочестие... лживые и несправедливые по отношению к двум сословиям – духовенству и дворянству... и, таким образом, пагубные для монархии и приводящие к анархии”²⁰.

Решение Кастильского Совета оказалось столь же неожиданным, сколь и категоричным: “Закрывать это дело”²¹. Исследователи полагают, что спасли “Доклад” Ховельяноса его “просвещенные” друзья при дворе – Мелендес Вальдес, Кабаррус, Карреньо. Они использовали все свое влияние, чтобы добиться его реабилитации и назначения на какую-либо должность при дворе²². В январе 1796 г. Мелендес Вальдес писал Ховельяносу о том, что Ф. Перес де Лема, секретарь короля и первый государственный секретарь, находившийся тогда в фаворе, очень высоко оценивал заслуги дона Гаспара и желал бы, чтобы тот занял должность министра²³. В июле Кабаррус сообщал, что он говорил при дворе о Ховельяносе (очевидно, с Годоем) и был благосклонно выслушан²⁴. Еще один друг Ховельяноса, Х. Ариас де Сааведра, в письме, отправленном в самом конце 1796 г., сообщал, что “Аграрный Закон” пользуется большим успехом и его автору пора возвращаться в Мадрид. “Ариас очень верит в это, а я – мало”, – комментировал это письмо Ховельянос. Далее он писал: “Я этого не сделаю... Вернусь только с почестями; иначе – никогда”²⁵. В июне Карреньо писал, что военный министр

¹⁸ Там же, л. 60.

¹⁹ *Jovellanos G.M. de. – Obras de Don Gaspar Melchor de Jovellanos. Biblioteca de Autores Españoles* (далее – BAE), t. LXXXVI, p. 7.

²⁰ *Caso González J. Jovellanos y la Inquisición*, p. 237.

²¹ *Ibid.*, p. 238.

²² Переписку Ховельяноса с друзьями см. *Caso González J. Jovellanos y la Inquisición*, p. 241–242; *Jovellanos G.M. de. Obras completas. T. III. Correspondencia. Oviedo, 1986*, p. 298–300.

²³ *Jovellanos G.M. de. Op. cit.*, p. 189.

²⁴ Получив это письмо, Ховельянос скептически замечает: “Друг...он приговорен жить иллюзиями”. – *Jovellanos G.M. de. Op. cit.*, p. 240.

²⁵ *Ibid.*, p. 255.

М.Х. де Асанса предложил Ховельяноса на должность представителя военного министерства, но то ли король с королевой, то ли Годой отказали²⁶.

Комментарии Ховельяноса на данную тему встречаются и в его дневниках: он сильно желает этого, но побаивается, помня о своих многочисленных и могущественных врагах.

Подтверждением тому может служить и переписка Ховельяноса с Годоем с апреля по июнь 1797 г. 18 апреля он пишет Годоем письмо, в котором выражает надежду на благосклонное отношение Принца Мира к вопросу о решении своей дальнейшей судьбы²⁷. В мае он получает ответ от всесильного фаворита, о чем записывает в дневнике: “Ответом от Принца Мира... я очень доволен, поскольку в нем выражено доброе ко мне отношение, а мне этого вполне достаточно”²⁸. В июле Годой попросил Ховельяноса изложить ему свое мнение по некоторым экономическим и педагогическим вопросам²⁹. Эти идеи должны были лечь в основу проекта задуманной Годоем реформы образования. Письма с подобными поручениями он направил Сааведре, Х.А. Мелону, а также в некоторые испанские университеты. Мнение Ховельяноса, автора проекта реформы колледжа Калатравы и основателя Астурийского института, ему было крайне важно³⁰. “Ответ Принцу, – записывает Ховельянос 1 августа, – который нашел для меня занятие: надеюсь, что новое задание вытащит меня из дома”³¹.

С октября 1794 г. его друзья не оставляли намерения использовать свое влияние для возвращения Ховельяноса в Мадрид, и он сам не отказывался уехать из Хихона³². Переписка Ховельяноса с друзьями и Годоем 1796–1797 гг. свидетельствует о том, что он желал вернуться в Мадрид. Тем не менее, известие о назначении на пост посла в России поставило его в сильное затруднение. “Несколько писем, среди них – официальное назначение. Чем больше я думаю об этом, тем больше возрастает мое отчаяние, – так описывал Ховельянос свое душевное состояние. – С одной стороны, жаль все, что я здесь покидаю, с другой – трудности, которые меня ожидают: мой возраст, моя бедность, моя неопытность в политических делах, моя привычка к спокойной, размеренной жизни... Ужасная ночь”³³. Ученый, писатель, философ, он был отнюдь не рад этому назначению: заканчивалась знакомая, привычная жизнь, и начинался новый этап, в котором непредсказуемо было все.

В официальном письме к Годоем Ховельянос называет причины, которые препятствуют ему принять это назначение: “Не забудьте о моей бедности, моем возрасте, моем жизненном укладе... да и то мрачное состояние души, которое владеет мною последние семь лет, делают невозможной мою жизнь при дворе чужестранного государства. При этом, учитывая мое искреннее желание служить В. Светлости до последних моих сил на любом поприще и приносить В. Светлости пользу там, куда Вы посчитаете необходимым меня направить, мог бы я просить Вас снизить до удовлетворения моих скромных желаний? Я основал здесь учебное заведение, о котором Вы мечтали и которое под Вашей протекцией может служить образцом для многих подобных учебных заведений, в чем так нуждается наш народ для своего просвещения. Я хотел бы также изыскать пути, которые сделают промышленно развитыми, торговыми и богатыми все провинции королевства Леон, того, где Вы родились. Я недавно начал переписку с В. Светлостью о способах распространения образования, где написал Вам, как помогли мне в образовании мои опыты, мои занятия и наблюдение-

²⁶ Ibid., p. 237.

²⁷ BAE, t. LXXXV, p. 422.

²⁸ Ibid., p. 424.

²⁹ Более подробно переписку с Годоем см. *Seco Serrano C. Godoy y Jovellanos*. – Archivum, v. 12, 1962, p. 253–258.

³⁰ *Caso González J. Rectificaciones y apostillas a mi artículo “Jovellanos y la Inquisición”*. – Archivum, v. 9, 1959, p. 3.

³¹ BAE, t. LXXXV, p. 440.

³² *Caso González J. Jovellanos y la Inquisición*, p. 241–242.

³³ BAE, t. LXXXVI, p. 7.

ния. В этой и подобных областях, более подходящих для моего ума и способностей, более привычных и приятных для меня, я мог бы под покровительством В. Светлости принести бо́льшую пользу, нежели получив какое-либо другое, даже более блестящее назначение”³⁴.

Через два дня он записывает в дневнике, что направил официальный ответ, где “выражал подчинение своей участи, а также несоответствие должности”³⁵. Чувства и мысли Ховельяноса, доверенные им дневнику, а также изложенные в официальном ответе Годюю, совпали с мнением российского дипломата Бицова, который тоже выражал удивление столь неожиданным дипломатическим назначением, ссылаясь на отсутствие у Ховельяноса профессионального опыта.

По пути домой из Поло де Лена Ховельяносу устраивают торжественные встречи. Делегация депутатов муниципалитета Овьедо, духовенство, полицейский комиссар, многие знакомые и ученики, “в общем, все, все, все. Салюты, фейерверки, празднования, всеобщая радость. Плачу только я... от того, что вынужден покинуть народ, который любит меня”³⁶. Когда он прибыл в родной Хихон, его посетили многие жители города, устраивались праздники в его честь, торжественные обеды, он получил огромное количество писем, в том числе и от Кабарруса. “Кабаррус меня убеждает, что я поступаю опростетливо (отказываясь от должности. – *О.В.*). Подозреваю, что именно он во многом повлиял на это назначение, если же нет, то мы останемся друзьями. Он сделал меня несчастным, ибо знает меня, должен знать”³⁷. Этим настроениям созвучны строки письма, написанного 21 октября 1797 г. и отправленного Ховельяносом своему другу М. Фернандесу де Наваретте. “Мой друг, – писал он, – между нами говоря, видели ли Вы бо́льшую нелепость, чем попытка заставить бедного философа стать дипломатом? У меня это никак не укладывается в голове. Если меня не услышат, я буду разорен, уничтожен, я не вынесу этого. Вы знаете, как тяжело мне отказаться от той жизни, к которой я привык. Вы знаете, как не соответствует моему характеру и моим способностям та участь, которую мне уготовили”³⁸.

В последующих записях Ховельяноса снова звучат те же ноты отчаяния, те же сетования на отсутствие у него “склонности к этой миссии”. Создается впечатление, что, чем больше радовались его друзья и близкие, тем более удрученным становился виновник торжеств. “Все доказывает, – записывает он, – какое ложное представление имеют они о счастье. Несчастные! Что они будут делать на расстоянии семисот лиг³⁹ от родины, находясь там только по воле одного человека, лишённые всяческой поддержки в случае его возможной смерти?!”⁴⁰. Таким рисует себе Ховельянос свое будущее. Его постоянно гложет мысль, что это назначение станет для него ссылкой⁴¹.

Тем не менее, относясь ко всем своим обязанностям с большой ответственностью, он и здесь остается верен себе. Как истинный ученый, он начинает кропотливое изучение российских реалий. Эта задача оказалась довольно сложной: у него практически не было книг о России. Исследователи его библиотеки указывают только на издание Ж. Лакомба “Хронологическое изложение истории северных государств: Дании, России, Швеции, Польши, Курляндии”, опубликованное в Париже в 1762 г., а также “Акты Петербургской Академии наук”, о знакомстве с которыми Ховельянос делает пометку в дневнике еще 23 мая 1795 г.⁴² 28 октября 1797 г. он записывает: “Чтение

³⁴ *Jovellanos G.M. de. Op. cit., t. III, p. 336–337.*

³⁵ *BAE, t. LXXXVI, p. 7.*

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ *Ibidem.*

³⁸ *Jovellanos G.M. de. Op. cit., t III, p. 338.*

³⁹ *Лига* – древняя испанская мера длины, равная 5572 м.

⁴⁰ *BAE, t. LXXXVI, p. 8.*

⁴¹ Эти мысли Ховельяноса перекликаются с рассуждениями герцога де Лириа, испанского посланника в Петербурге с 1727 по 1730 г. См. Письма о России в Испанию дука де-Лирия. Пер. с исп. К.Л. Кустодиева. – Осмнадцатый век. М., 1869.

⁴² Цит. по: *Clement J.P. Las lecturas de Jovellanos. Ensayo de reconstrucción de su biblioteca. Oviedo, 1980, p. 81; Aguilar Piñal F. La biblioteca de Jovellanos (1778). Madrid, 1984, p. 173.*

статей “Россия” и “Санкт-Петербург” в Британской энциклопедии и Географическом словаре”⁴³.

В то время как “бедного философа” все больше и больше охватывало отчаяние, провинция Астурия ликовала. 24 октября 1797 г. в местечке Кандас, неподалеку от Хихона, состоялось собрание членов местного муниципалитета. В протоколе собрания записано: “Собравшиеся... с большой радостью и удовлетворением узнали приятную новость о том, что Карл IV... назначил Уважаемого Сеньора Дона Гаспара Мельчора де Ховельяноса, выходца из Хихона, на пост посла в Российскую империю, воздав, таким образом, должное его мудрости и увидев в нем подданного, полного патриотизма и имеющего врожденную склонность к этой миссии”⁴⁴.

25 октября делегация этого собрания посетила дом просветителя, вручив ему послание, где, в частности, говорилось: “Всеобщая радость, которая царит в Хихоне по случаю избрания Его Величеством Вашей Светлости для дипломатической миссии в России, распространилась и на нашу соседнюю территорию. Этот справедливый и разумный выбор наполнил наши сердца теми же чувствами и эмоциями, что и сердца Ваших соотечественников”⁴⁵. Ховельянос написал благодарственный ответ, в котором отмечал: “Благородное, утонченное и полное достоинства выражение чувств, которыми вы меня удостоили в вашем письме от 24 октября, и радость, с которой вы отпраздновали мое назначение в Россию, переполняют меня радостью и благодарностью”⁴⁶. Поздравление, действительно, тронуло дон Гаспара – это видно из его письма к своему другу К. Посаде: “Какое выразительное поздравление они мне написали! Похоже, что диктовали его Вы”⁴⁷.

Однако радость от признания его заслуг омрачалась грустными мыслями, преследовавшими Ховельяноса все последние дни. В том же письме Посаде он отмечает: “15 октября, ночью, в Поло де Лена меня обескуражили новостью о моем назначении послом в Россию. Это жертва всему моему счастью: расставание с домом, с родными, друзьями и учениками, со всеми моими заботами и надеждами. Боюсь, за время расставания они потеряют так же много, как и я. Но даже не это страшит меня больше всего, а мой возраст, моя бедность, мои занятия, мое невежество в подобного рода делах, да и само столь высокое и ответственное назначение, которое мне уготовано. Все это я изложил в письме. Если, боюсь, этого будет недостаточно, поеду в Мадрид, чтобы найти утешение в кругу друзей, среди которых Вы занимаете особое место”⁴⁸.

Университет Овьедо отметил назначение Ховельяноса, присвоив ему степень доктора. 3 ноября два представителя университета прибыли к нему домой, чтобы вручить знаки отличия присвоенного звания⁴⁹. 11 ноября Ховельянос направил ответ. Там говорилось: “С искренним удовольствием и большим уважением принимаю это почетное звание... которым общество может наградить за заслуги в научной карьере”⁵⁰.

⁴³ BAE, t. LXXXVI, p. 8.

⁴⁴ Цит. по: *Busto M. Carreño y Jovellanos: correspondencia con motivo de su nombramiento como embajador de España ante la corte de Rusia.* – Boletín del Instituto de Estudios Asturianos, v. 35, 1981, p. 670.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 671; *Jovellanos G.M. de. Op. cit.*, t. III, p. 338.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 342.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 344.

⁴⁸ *Ibidem.* Исследователи спорят о дате этого письма: в издании Кандидо Носедаля указывается 22 октября. – *Nocedal C. Obras publicadas e inéditas de Don Gaspar Melchor de Jovellanos.* Madrid, 1859. М. Бусто и Х. Касо Гонсалес утверждают, что она ошибочна, поскольку он мог написать его только после получения поздравления делегации муниципалитета Кандаса 24 октября, следовательно, это письмо следует датировать 26 октября. – *Busto M. Op. cit.*, p. 674; *Jovellanos G.M. de. Op. cit.*, t. III, nota 2, p. 344.

⁴⁹ *Canella y Secades F. Historia de la Universidad de Oviedo y noticias de los establecimientos de enseñanza de su distrito.* Oviedo, 1903, p. 149.

⁵⁰ *Jovellanos G.M. de. Op. cit.*, t. III, p. 354.

В эти и последующие дни Ховельянос получил множество писем, и среди них – письма от Кабарруса и Сааведры. Они уговаривали его не отказываться от предложенного поста и представили список возможных расходов⁵¹. Эти письма не сохранились, но по замечаниям, разбросанным по дневникам, можно судить, что переписка, касавшаяся его посольства в Россию, была чрезвычайно активной. В записи от 2 ноября читаем: “Письмо Кабаррусу, в котором горько жалуясь на мои несчастья и обвиняю его в том, что он – автор этих несчастий. Так оно и есть, но все-таки я не могу сомневаться в его заботе”⁵².

Тем временем Годой в Мадриде, получив официальный ответ Ховельяноса с выраженным там нежеланием принять предложенный ему пост, отправил личное послание дону Гаспару, где говорилось: “Если Вы не дорожите благом (народа. – *О.В.*), я не стану упорствовать в принятии Вас на должность, которая не мила Вашей душе, и соглашусь с тем, что Вам следует продолжать служить в Отечестве. Однако ситуация в Европе, да и в нашей стране вынуждает вытягивать из бездеятельности людей, которые могут содействовать ее процветанию. Вы знаете, как важна для нас дружба с Россией, но, к сожалению, так и не нашлось человека, способного вывести наши отношения из формального состояния. Примите же во внимание, с какой надеждой взывает к Вам, предлагая это назначение, общество... Но я, столь сильно уважая таланты Ваши и желая постоянно советоваться с Вами, не хотел бы, чтобы мы расстались. Есть ли еще какой-нибудь способ для Вас послужить более непосредственно общественному благу? Назовите мне. Если есть, я отменю указ”⁵³.

Видимо, слухи о нежелании Ховельяноса занять этот пост распространились по Мадриду. В донесении от 30 октября 1797 г. Бицов сообщал в Петербург: “Принц Мира еще не выполнил обещания сообщить ответ, который он, без сомнения, уже получил от господина Ховельяноса по поводу его нового назначения. Но мне хорошо известно, что последний, испытывая постоянную неприязнь ко двору, откуда он был удален, и не получив разрешения оправдать себя, выказывает нежелание принять новое назначение”. Далее Бицов отмечает, что против этого назначения выступала и Директория, а французский посол в Мадриде убеждал Годоя отказаться от назначения посла в Россию, подчеркивая, что “это мало соответствует интересам республики”. Однако, по заключению российского дипломата, “Принц Мира, поскольку он уже сделал первый шаг, вряд ли захочет скомпрометировать достоинство своего двора”⁵⁴.

Письмо Годоя не оставило Ховельяноса равнодушным, вызвав в его душе бурю эмоций. 30 октября он записал в дневнике: “Конфиденциальное письмо от Принца Мира в самых почтительных и доброжелательных выражениях, которые снова возбудили мою признательность и сделали неизбежным мое несчастье”. Он много думал над ответом, советовался с братом Пауло, но не нашел у того поддержки: “Я, выражая мою крайнюю признательность, должен настаивать на более спокойной должности, соответствующей моим знаниям, а мой брат считает, что не должен”⁵⁵. В ответном письме к Годою Ховельянос не отказывался от должности, напротив, писал, что назначение, предложенное ему самим Годоем, очень для него почетно. Однако в каждой строчке его письма подспудно звучит горечь по поводу его вынужденного согласия: “Даже если бы Петербург находился в два раза дальше, если бы климат там был холоднее, чем на обоих полюсах, если бы меня ожидали там безысходность и смерть, ничто не испугало бы меня, ибо я служу своей Отчизне и отвечаю этим на великодушные Вашей Светлости”⁵⁶. Он просит лишь дать ему некоторое время, чтобы завершить дела и собраться в дорогу⁵⁷.

⁵¹ ВАЕ, т. LXXXVI, p. 8.

⁵² Ibidem.

⁵³ *Jovellanos G.M. de. Op. cit., t. III, p. 341–342.*

⁵⁴ АВПРИ, ф. “Сношения России с Испанией”, оп. 58, д. 503, л. 74.

⁵⁵ ВАЕ, т. LXXXVI, p. 8.

⁵⁶ *Jovellanos G.M. de. Op. cit., t. III, p. 347–348.*

⁵⁷ Ibid., p. 348.

Пока Ховельянос размышлял над ответом Годою, настроения при мадридском дворе изменились, потому что 7 ноября Годой направил ему новое письмо, в котором о дипломатической миссии уже не было ни слова. “Вам предназначается министерство юстиции, и нация будет пользоваться тем благом, которое Ваш талант будет создавать для нее”⁵⁸, – писал Годой.

О смене настроений при дворе узнает и Бицов. 9 ноября он сообщает Безбородко в Петербург: “Что касается назначения г-на Ховельяноса, Принц подтвердил мне то, о чем я имел честь сообщить В. Светлости в моем предыдущем донесении – о его (Ховельяноса. – *О.В.*) нежелании принять новые обязанности, не посоветовавшись с ним (Принцем. – *О.В.*), и добавил достаточно холодно, что Директория, узнав о намерении короля направить посла к нашему двору, сильно этому воспротивилась”⁵⁹. В тот же день российский поверенный в делах узнает о новом назначении Ховельяноса и к уже составленному донесению добавляет: “Я узнал, что господин Ховельянос, который ранее был назначен в посольство в России, назначен министром юстиции вместо господина Льягуно”⁶⁰.

Узнав о своем новом назначении, Ховельянос записывает в дневнике: “Прощай счастье, прощай спокойствие навсегда!”⁶¹. Радость от избавления от далекой командировки сменилась еще большим отчаянием.

Какие же причины побудили испанское правительство отменить дипломатическое назначение Ховельяноса и заставить его вернуться в Мадрид в должности министра юстиции? В дипломатической переписке нет ответа на этот вопрос. Бицов в следующем донесении замечает только: “Принц, объявляя о новых назначениях в ходе последнего обеда с членами дипломатического корпуса, повернулся ко мне и сказал, что, поскольку г-н Ховельянос, назначенный королем послом при российском дворе, получил новое назначение, Е. В-во без задержки назначит другого на его место”⁶². Новая кандидатура была подобрана лишь к середине декабря 1797 г. Послом в России стал генерал-капитан, маркиз дель Кастильо, герцог дель Парке⁶³.

Годой в “Мемуарах” так описывает перипетии назначения Ховельяноса: “Сколько усилий стоило мне приложить, чтобы король назначил его министром! Мне удалось добиться того, чтобы король забыл свои прежние предубеждения и призвал его на службу. Кроме того, расхваливая способности Ховельяноса и подчеркивая его лояльность Карлу IV, я смог убедить короля направить его послом в Санкт-Петербург для восстановления и укрепления наших давних отношений с Россией. Это назначение было подписано. Я написал Ховельяносу, что следует принять его, оставив все проблемы на мое попечение. А далее, усыпив бдительность его врагов, я сумел добиться для него министерского поста”⁶⁴.

Действительно, решающая роль в определении судьбы Ховельяноса осенью 1797 г. принадлежала именно Годою. В течение нескольких месяцев перед этим назначением он поддерживал с просветителем переписку по вопросу реформы образования и знал о желании Ховельяноса вернуться в Мадрид. Но не стоит приписывать эту инициативу исключительно Годою. Как уже отмечалось, издание в 1795 г. “Аграрного Закона” активизировало вместе со сторонниками Ховельяноса и его противников. Друзья просветителя, и в первую очередь Кабаррус, сумели отменить инициированный против него инквизицией судебный процесс. Похоже, именно Кабаррусу и принадлежала идея отправить Ховельяноса подальше и от двора, и от преследований инквизиции⁶⁵. Место

⁵⁸ Ibid., p. 350.

⁵⁹ АВПРИ, ф. “Сношения России с Испанией”, оп. 58, д. 503, л. 79.

⁶⁰ Там же, л. 81.

⁶¹ ВАЕ, т. LXXXVI, p. 9.

⁶² АВПРИ, ф. “Сношения России с Испанией”, оп. 58, д. 503, л. 89. Н.Н. Бицов – А.А. Безбородко, 9 (20) ноября 1797 г.

⁶³ Там же, л. 97. Н.Н. Бицов – А.А. Безбородко, 3 (14) декабря 1797 г.

⁶⁴ *Godoy M. Memorias.* – ВАЕ, т. LXXXVIII. Madrid, 1956, p. 191.

⁶⁵ Кабаррус в этот период имел серьезное влияние на всеильного фаворита королевы. Исследователи полагают, что именно ему удалось склонить Годоя к назначению Ховельяноса министром юстиции. – *Hurtado Rodríguez F. Op. cit.*, p. 325–326, 328.

посла в Петербурге с этой точки зрения казалось идеальным. Ховельянос был одним из выдающихся представителей испанского общества, достойным и вполне способным с успехом осуществить возложенную на него дипломатическую миссию. Эта идея полностью совпала и с желанием королевы Марии-Луизы, которой ссылка Ховельяноса в Хихон не казалась столь уж серьезной опалой.

Таким образом, цели друзей и врагов Ховельяноса в этом вопросе удивительным образом совпали. Недовольным оказался только сам Хавельянос, которого пугала мысль оказаться вдали от Испании. Он был уже не в том возрасте, когда подобное назначение сулило блестящую карьеру. Далекая страна, холодный, непривычный климат, отсутствие политического опыта, возраст и возможные болезни пугали Ховельяноса, привыкшего к спокойной, размеренной жизни, посвященной литературной и научной деятельности. С подобным настроением он принял и предложение занять пост министра юстиции.

История не знает сослагательного наклонения, но можно смело утверждать, что присутствие этого видного испанского мыслителя, философа, просветителя в качестве дипломатического представителя в России в конце XVIII в., бесспорно, способствовало бы дальнейшему укреплению российско-испанских связей.